

— Сказать, что мы не боялись умереть, будет неправильно. Но и сказать, что мы ждали смерти ежеминутно, тоже будет неправильно. Мы просто о ней не думали. То ли молодость, то ли фронт закаляет, — не знаю. Мы работали, мы хотели победить, и у нас была одна забота — наши раненые.

Я слушаю рассказ пожилой женщины. Поколение, которое уже было опалено огнем войны, когда мы только приходили в жизнь. Рассказы этого поколения всегда волновали меня совсем по-особому. Еще бы: ведь это поколение прошло не просто через обычные экстремальности жизни, но через экст-

тала в хирургическом отделении и выхаживала тяжелораненых. А ведь до войны я боялась одного вида крови. Плакала во время первой практики, когда увидела операцию. И вот — поди ж ты — потом выдержала три долгих фронтовых года, когда смерть была буквально рядом. У нас погибли две старшие операционные сестры. До слез ли тут или обмороков!

Больных к нам доставляли с передовой, а мы после обработки должны были переправить их в госпиталь. Но сколь многие не хотели надолго в тыл, в госпиталь, не хотели отстать от своей части (как они привязывались к однополчанам, а ведь

запал. Отец детей принес их в наш медсанбат, но впопыхах, неумело нес — одному ребеночку все разворотило в животе, спасти его было уже нельзя, второго отец нес так, что раздробленная нога оставалась все время на весу, и от страшной боли у ребенка начался шок. Врачи и сестры делали все, но из шокового состояния вывести ребенка так и не смогли. Так двое этих малышей и умерли на наших руках. Каково было смотреть на это нам, тогда еще не знавшим материнства, в тех условиях, уже почти мирных для станицы Старощербиновки, которую незадолго до этого освободили наши войска! Детские смерти оставались тяжелейшими даже в тех экстремальных военных условиях.

Лидия Николаевна Карпова, старшина медицинской службы, опять задумывается. Я сижу не шелохнувшись. Разве ж это обычный сбор материала для статьи в газете? Сама яростная жизнь врывается в мое интервью. И я знаю, что уйду от Лидии Николаевны уже немного другим человеком, чем пришла к ней. Пусть опыт наших жизней несонзим, но кто мешает мне учиться на примере таких жизней, как ее!

— Это было в Балаклаве, — продолжает она задумчиво. — В поле стояли замаскированные палатки медсанбата. Справа были немцы, слева от нас — зенитчики. Немцы били по нашим зениткам, а осколки сыпались на медсанбат. Два шофера медсанбата погибли в эти минуты, один — прямо под машиной, которую ремонтировал. Я давала в эту минуту наркоз больному. Что было делать? Ведь в любую минуту операцию, возможно, пришлось бы прервать. А больной был бы уже под наркозом. Куда везти его в таком состоянии и как транспортировать? И я решила давать ему наркоз по капле — авось немцы отстанут. Он медленно и ненадолго засыпал, в таком состоянии его можно было сразу разбудить. Помню слова врача нашего: «Ну что, Лидия Николаевна, на судьбу?» «На судьбу!» — ответила ей я. Снаряды то недолетали, то перелетали. Александра Васильевна Потураева продолжала делать операцию. В тот раз судьба хранила нас вместе с больным. Но потом, уже в Германии, Александра Васильевна погибла.

Сегодня Лидия Николаевна Карпова работает инструктором в республиканском военкомате. В преддверии 40-летия Победы она получила приглашение принять участие в расширенном заседании Совета ветеранов Отдельной Приморской армии в Ялте и выехала в Крым. «Поеду и в Керчь, — сказала она, — посету могилу наших медсестер...»

Н. СААКЯН,
корр. «Комсомольца».

Великая Отечественная:

страницы летописи

ЭТА ЯРОСТНАЯ ЖИЗНЬ...

ремальность чрезвычайную — четырехлетнюю войну. Нам этого не понять, — иногда думаю я, — потому, что воображение — это одно, а живая, беспощадная жизнь — другое.

— Когда сегодня сетуют на недостаточное чувство ответственности у части молодых, я улыбаюсь, ведь по своему опыту знаю, что и мы были не такие уж подготовленные к чрезвычайным условиям. Но, знаете, тяжелые условия закаляют, и сам не знаешь, откуда вдруг берутся силы все преодолеть. Могла ли я думать в мирные предвоенные годы, что стану медсестрой медсанбата, что пройду от предгорий Кавказа до Берлина вместе с тяжелоранеными, участвуя в операциях и выхаживании больных? Да никогда! Совсем на иное я была нацелена. До войны в Баку я была секретарем комсомольской организации 4-го нефтепромысла и одновременно членом бюро Ленинского райкома комсомола. В 1941 году вступила в КПСС. Когда началась война, нам предложили организовать курсы медсестер. Я первой предложила свою кандидатуру и вместе с 89-й Армянской Таманской дивизией прошла всю войну. Нас пригласили в Ереван 28 июля 1942 года (32 человека), а 8 августа мы уже выехали на фронт (наш фронт начался с Грозного).

Что такое сестра медсанбата? Это профессия необозримая. Я была и санитаркой, и помогала ассистировать при ампутациях, рабо-

фронт уходил все дальше, вот и боялись не нагнать после госпиталя). Тяжелобольных мы держать не имели права в медсанбате, должны были непременно отправлять в госпиталь. Помню тяжелый случай. Солдата звали Ваня, фамилии уже не помню. Трепанация черепа требовалась немедленная. Делать ее в условиях медсанбата было нельзя, хотя бы потому, что мы в любой час, в любую минуту могли сняться с места, а таким больным нельзя было двигаться 21 день после операции. Значит, Ваня не мог быть транспортабелен, но как он просил хирурга! И мы сделали для него исключение. Врач Юрий Григорьевич Кудинский провел операцию, а потом я осталась с Ваней на двадцать дней, когда наш медсанбат ушел дальше вдоль линии фронта. Это было в Керчи. Ассистировал Кудинскому Хачик Иванович Мхитарян, он сейчас живет у нас в Ереване.

Уже после войны я ездила на то место в Керчи, где погибли две наши медицинские сестры. Повезла из Еревана мрамор на их могилу. Хорошая память вам, дорогие Анна Миновна Шевченко и Симрух Гаджи-кызы Гаджиева! Они погибли во время прямого попадания в медсанбат.

Но самое тяжелое воспоминание войны для меня — случай на Кубани. Двое маленьких детей играли в песке, строили домики, враг уже ушел, и вдруг страшный взрыв — в песке оставался